УДК 930.2+94(57)
DOI: 10.17223/19988613/70/19

Е.А. Михайлицина

ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Рассматриваются основные сюжеты региональной истории Сибири на материалах журнала «Сибирика» в контексте существующих подходов в государственной политике в отношении коренных народов Севера. Сделан вывод о том, что неотрадиционалистский подход, сформулированный в отечественной историографии, напрямую коррелирует с известным на Западе трендом wildlife co-management, в русле которого зарубежные исследователи сибирской проблематики предлагают решать проблемы коренных народов по сохранению и возрождению их национальных культур, языков и традиционных промыслов.

Ключевые слова: сибирские исследования; зарубежная историография; коренные народы Севера; неотрадиционализм.

Изучение традиционной материальной и духовной культуры коренных сибирских народов представляет большой научный интерес как для отечественных, так и для зарубежных исследователей. Вопросы сохранения традиционного уклада, национальных языков, передачи знаний и традиций подрастающим поколениям, реализации имущественных и гражданских прав народов на территориях их исторического проживания и хозяйствования, а также ухудшение экологии на этих территориях, выбор религии, самоидентификация и некоторые другие проблемы находят воплощение в российской и англо-американской научной периодике. В этой связи аспекты взаимодействия государства и коренных народов становятся ключевыми: от того, какая политика избрана государством в отношении коренных народов, будут зависеть перспективы сохранения и развития их традиционной культуры.

На сегодняшний день можно назвать концептуально оформившимися три основных подхода государственной национальной политики: государственно-патерналистский, либерально-рыночный и неотрадиционалистский [1. С. 112]. Первый подход предполагает, что коренные народы не способны к самостоятельной адаптации их традиционного уклада к современным социально-экономическим условиям, и государство должно оказывать им всестороннюю помощь. Либерально-рыночный подход (или «принцип равных возможностей» [2. С. 34]) исходит из понимания ограниченности ресурсов и свободной конкуренции, а значит, право пользования природными ресурсами должно возникать на основании конкурсов и аукционов. Здесь предполагается, что различия между доминирующей культурой и культурой малочисленного народа несущественны, так как коренной народ ассимилировался с преобладающим населением. Третий подход, неотрадиционалистский, становится все более популярным, так как предполагает переход к экономической самостоятельности и общинному самоуправлению коренных народов, отказ от ассимиляторской модернизации культуры и образа жизни народов Севера, возвращение к традиционным занятиям и религиям.

Неотрадиционализм, сформулированный в отечественной науке А.И. Пикой [3. С. 25], имеет много общего с современным западным подходом wildlife co-management, который подразумевает отношения на почве сотрудничества в сфере природопользования, т.е. «совместное управление биоресурсами». И хотя существуют разные вариации определения этого понятия, наиболее часто приводится трактовка Гейл Ошеренко (Gail Osherenko): «Институциональные механизмы, в которых правительственные учреждения, обладающие юрисдикцией над ресурсами, и пользователи этих ресурсов заключают соглашение, охватывающее определенный географический регион и проясняют: 1) систему прав и обязательства для заинтересованных в ресурсе; 2) набор правил, обозначающих действия, которые ожидаются от субъектов при различных обстоятельствах; 3) процедуры принятия коллективных решений, влияющих на интересы государственных структур, пользователей ресурсов и их отдельных представителей» [4. P. 13].

В рамках такого подхода к управлению планы и решения осуществляются не только совместно с коренными народами в качестве активных участников, а в идеале в качестве равных партнеров, но и исходя из того, что их точка зрения полезна, если не необходима. Во многих случаях имеющие долгую историю особые знания коренных народов о своей земле и основанные на них стратегии управления успешно сочетаются с более общим научным подходом к оценке ситуации с ресурсами и планированию на будущее [5. P. 35]. Таким образом, скоординированные управленческие усилия могут способствовать укреплению и сохранению культуры коренных народов. Самостоятельность коренных народов в определении своего настоящего и будущего значительно повышается за счет соглашений о совместном управлении, которые часто включают положения о занятости коренного населения, обучении, доступе к капиталу, защите ресурсной базы и различных возможностях экономического развития.

В русле данного подхода написано подавляющее большинство научных статей в англо-американской

периодике. Авторы исходят из того, что патерналистская политика государства в отношении коренных народов оказывается губительной для них, поскольку руководствуется собственными представлениями о «благе», цивилизационном развитии «отсталых» народов Севера и т.д, что неизменно ведет к ассимиляции культур в лучшем случае и этноциду в худшем. Под этноцидом здесь понимается термин, приведенный в работе К.Б. Клокова: «…территориальный этноцид – сокращение площади этнохозяйственных ареалов при стабильной или даже растущей численности коренного населения. Территориальный этноцид происходит за счет постепенного вытеснения традиционного природопользования северных народов более эффективными экономическими системами доминирующего общества» [2. С. 41].

Противоположный подход – либерально-рыночный – оказывается еще большим злом, так как народы Севера, чьи традиционные хозяйства давно разрушены или находятся в упадке из-за многолетней политики коллективизации, неспособны к конкуренции, не имеют капитала и достаточных ресурсов.

Основным источником рассмотренных далее статей выступает журнал издательства Berghahn Journals Group «Сибирика» (ранее издательства Routledge, Taylor & Francis Ltd), так как он является крупнейшей и наиболее специализированной международной площадкой для публикации англоязычных работ по сибирским исследованиям в широком спектре различных дисциплин [6. С. 141].

Одним из самых часто встречающихся сюжетов исследовательских работ в материалах журнала «Сибирика» является языковая политика российского государства и вопрос сохранения национальных языков коренными народами Севера. Авторы этих работ также публикуют другие статьи на эту тему в схожих по тематике научных журналах. Основой для них, как правило, служат полевые исследования, проведенные в местах традиционного проживания коренных народов Севера, т.е. авторы опираются преимущественно на полученные ими данные, результаты интервью, документы из местных архивов, но частично и на другие подобные исследования своих коллег, опубликованные за рубежом. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

В статье «Двуязычие и обучение грамоте в республике Тыва» Джоан Ф. Шевалье, исследовательница из Америки, изучает эволюцию тувинского литературного языка и ключевые институты, поддерживающие его изучение, а также политику местных властей по возрождению изучения тувинского языка с конца советского периода [7. P. 1]. Автор считает, что уникальное место Тывы в российской истории – «на окраине советской империи» – создало условия, которые привели к высокому уровню сохранения языка титульной нации. Географическая изоляция Тывы и высокая концентрация этнических тувинцев, поселившихся преимущественно в сельских районах Тывы, способствовали широкому развитию двуязычия среди этнических тувинцев. В советский период был создан тувинский литературный язык, открыты школы, и этнические тувинцы становились все чаще двуязычными. С образованием Республики Тыва тувинский язык получил правовой статус государственного, и были предприняты усилия по возрождению тувинского языка и расширению сфер его использования. Автор полагает, что разговорный тувинский язык широко передается из поколения в поколение, однако тувинский литературный язык находится в упадке. Представленные автором данные показывают, что средствам массовой информации и обучению на тувинском языке, которые играют решающую роль в поддержке тувинской языковой грамотности и тувинского литературного языка, мешает отсутствие финансирования. Продолжающийся экономический кризис в Тыве привел к резкому сокращению доступности средств массовой информации на тувинском языке. Отсутствие финансовой поддержки на местном уровне также препятствовало попыткам улучшить обучение на местном языке в школах. Среди педагогов и тувинской интеллигенции широко распространено мнение, что тувинская языковая грамотность критически снижается. Акцент языкового образования в школах на региональном уровне сместился с расширения доступа к обучению на тувинском языке и возрождения тувинского языка на улучшение преподавания русского языка и повышение уровня владения русским языком среди этнических тувинцев. Такой сдвиг приоритетов частично обусловлен федеральными формами образования, которые уделяют большое внимание владению русским языком (определяемым ЕГЭ), а также экономическим кризисом. Финансовый кризис, который привел к высокому уровню безработицы и бедности в Тыве, по мнению автора, повысил престиж русского языка и подчеркнул важность владения русским языком как важнейшим инструментом социально-экономического развития, при этом важность изучения национального литературного языка значительно понизилась [Ibid. P. 18].

В другой своей статье, опубликованной в «Сибирике» в 2013 г., под названием «Местное языковое образование на юге Сибири: республики Тыва и Алтай» Дж. Ф. Шевалье снова обращается к теме сохранения национальных языков коренных народов [8. P. 56]. На этот раз ее исследовательское поле охватывает также республику Алтай. Еще позднее, в 2017 г., Шевалье публикует статью под названием «Возрождение изучения языка и культуры как местная практика: преподавание языка коренных народов в Якутске, РФ» в журнале «Nationalities Papers», где рассматривает тот же вопрос сохранения и возрождения национальных языков, но уже народами Якутии [9. P. 613].

Проанализировав ситуацию с изучением национальных языков в республиках Тыва и Алтай, автор пришла к выводу, что, несмотря на разные демографические условия в этих республиках, программы обучения на местном языке сталкиваются с аналогичными проблемами и трудностями. Инициативы по языковому планированию, запущенные в республиках в конце советского периода в поддержку обучения на местном языке, были свернуты отчасти из-за отсутствия поддержки населения, отчасти из-за нехватки финансовых ресурсов, что является препятствием как для препода-

вателей, так и для администраторов, особенно в сельской местности, которая преобладает в обеих республиках. В то же время федеральные реформы образования реструктурируют начальную и среднюю школу в России. Установление проходного балла на ЕГЭ в качестве требования к окончанию школы убедило коренные народы в том, что у будущих поколений будет гораздо меньше возможностей, если они предпочтут изучение школьной программы на национальных языках. Автор отмечает, что школы могут сыграть важную роль в возрождении языка, но программы обучения на национальных языках не могут быть успешными без поддержки тех, на кого они направлены [8. P. 78].

Дженнан Фергюсон, доцент кафедры антропологии университета Невады, Рино, США, в статье «Плохо ли, что мы пытаемся говорить на двух языках? Языковая идеология и выбор среди городских двуязычных семей Якутии» уделяет особое внимание не только языковой политике российского государства в Якутии, но и проблеме билингвизма в республике [10. P. 1].

Путем исследования лингвистических траекторий в приведенных в статье примерах автор выявила некоторые устойчивые языковые идеологии, которые формируют семейную языковую политику и влияют на решения, принимаемые якутскими семьями, которые пытаются создать соответствующую социальную среду для своих детей для овладения якутским и русским языками.

По мнению автора, у коренных народов Якутии наблюдается противоречие между желанием продвигать изучение якутского языка наравне с русским и опасением, что двуязычие приведет к несовершенному владению обоими языками. Особенно критична такая ситуация для русского языка, свободное владение которым считается конкурентным преимуществом из-за неблагоприятной экономической ситуации в регионе. Однако Дж. Фергюсон не разделяет этих опасений, считая их пережитками советской идеологии, и отмечает, что среди сельских жителей республики и тех, кто во взрослом возрасте переехал в столицу, гораздо реже наблюдается отрицательное отношение к билингвизму. Языковая политика, продвижение и планирование изучения якутского языка в республике Саха должны гарантировать, по мнению автора, доступ к информации о самых последних открытиях о двуязычии и его преимуществах, чтобы развеять некоторые из этих мифов (в частности, что якутский мешает овладению русским) и указать, как может выглядеть сбалансированное двуязычие [Ibid. P. 11].

Исследовательница из Финляндии Светлана Хууско в статье «Самоопределение подрастающих эвенков: обсуждая современное и традиционное в образовательных учреждениях» описывает результаты этнографического исследования, проведенного в маленькой эвенкийской деревне Солино в Бурятии. Основное внимание автора сосредоточено на процессе самоидентификации молодых эвенков, а также факторах, которые препятствуют этому процессу, таких как падение престижа быть частью этого этноса, тяжелые экономические условия, отсутствие единых целей у родителей и представителей образовательной системы при воспитании и передаче знаний подрастающим поколениям и т.д. С. Хууско также обращается к теме языковой политики, отмечая, что в то время как советская политика в отношении языковых меньшинств в 1920–1930-х гг. способствовала развитию системы письма для эвенкийского языка, к концу 1940-х гг. цивилизационная политика правительства привела к сдвигу в сторону ассимиляции, когда русский язык использовался для обучения во всех классах. В результате такой политики, согласно данным переписи населения России 2010 г., количество говорящих на эвенкийском языке составило 4 802 человека, что означает, что только 13% эвенков говорят на своем родном языке. В школе уроки эвенкийского языка рассчитаны на учащихся эвенкийских классов со второго по восьмой класс. «В ситуации, когда язык почти утрачен, время, отведенное на обучение эвенкийскому языку (час в неделю) в учебных планах, является недостаточным, – пишет автор, – и на практике он преподается еще меньше часов, чем, например, английский как иностранный» [11. P. 50]. Из-за недостаточного количества учебных часов и отсутствия языковой практики русский язык является языком обучения на уроках эвенкийского языка, соответственно, учащиеся-эвенки по-прежнему не говорят на эвенкийском языке.

Подобные исследования проведены и другими авторами «Сибирики», в том числе как часть более комплексных исследований проблем, с которыми сталкиваются коренные народы Севера. В большинстве своем авторы соглашаются в том, что национальный язык, являясь определяющей характеристикой этноса, важнейшей для самоидентификации, должен сохраняться и изучаться подрастающими поколениями, т.е. языковая политика государства должна быть разумной, тщательно планируемой и результативной. При этом государственная политика должна способствовать популяризации национальных языков, изучению литературных языков коренных народов, а не дальнейшей унификации образовательных траекторий (особенно в форме обязательного и единого для всех жителей страны государственного экзамена по русскому языку), когда неблагополучная экономическая ситуация во многих национальных республиках не оставляет коренным народам другого выбора, кроме приоритетного изучения русского языка в ущерб национальным.

Как отмечалось выше, проблема сохранения национальных языков нередко является частью более сложных проблем, с которыми коренным народам Севера приходится справляться. Речь, прежде всего, идет о попытках сохранить традиционный хозяйственный уклад, подразумевающий свободное перемещение по территориям, на которых осуществляется сезонный промысел. В действительности, по наблюдениям зарубежных исследователей, коренные народы сталкиваются с нарушением и ограничением своих имущественных и гражданских прав на территориях их традиционного проживания и хозяйствования, с ухудшением экологии в этих районах, вызванным строительством и эксплуатацией нефтепроводов, идущих прямо по территории угодий коренных народов. Помимо экономических трудностей, наиболее серьезной является проблема

сохранения и передачи традиций, навыков в охоте, рыболовстве, оленеводстве, коневодстве и других промыслах молодому поколению, т.е. всего того, что является неотъемлемой частью традиционной культуры, которая может просто исчезнуть вместе с последними носителями традиций и знаний.

Первой из ряда статей, посвященных этим вопросам, рассмотрим работу Гейл Фондал в соавторстве с Анной Сириной «Права и риски: опасения эвенков по поводу предполагаемого строительства нефтепровода “Восточная Сибирь – Тихий океан”» (ВСТО–1), опубликованной в «Сибирике» в 2006 г. В этой статье авторы исследуют случай эвенков, живущих на северной оконечности озера Байкал, которые столкнулись с проблемой строительства нефтепровода через территорию их традиционного проживания. По словам авторов, эвенки осознают значительные потенциальные риски для их средств к существованию и образа жизни из-за вероятной деградации окружающей среды, вызванной строительством трубопровода, риски, которые подрывают их основные права [12. P. 115]. Они также выражают разочарование по поводу своей неспособности участвовать в планировании трубопровода – их процессуальные права на принятие решений не реализуются. Как известно, проект ВСТО–1 был реализован, и первая очередь была запущена в 2009 г., несмотря на протесты со стороны жителей региона, местных властей, экологов и эко-активистов, в том числе из «Гринпис» и «Всемирного фонда дикой природы». Проект долгое время не мог пройти экспертизу, поскольку строительство нефтепровода предполагалось в сейсмоопасной зоне на расстоянии 700–800 м от северной оконечности Байкала, планировалось использовать бухту «Перевозная», которая не рассчитана на такую нагрузку, кроме того, является водным заповедником, а также из-за препятствия в виде положений Водного кодекса РФ от 2006 г. Однако, несмотря на все трудности и благодаря изменениям в законодательстве, осуществленным в том же 2006 г., строительство нефтепровода началось. Опасения эвенков по поводу ухудшения экологии оказались вполне оправданными – 18 января 2010 г. из-за прорыва трубы в районе г. Ленска произошла утечка нефти, которая разлилась на 20 тыс. кв. м грунта.

Авторы статьи ссылаются на многочисленные постановления, распоряжения и другие нормативные акты, указывающие на то, что в российском законодательстве были достигнуты успехи в признании и уважении политики культурных различий, гарантирующей коренным народам права на свою родину и традиционные занятия, а также право участвовать в принятии решений относительно действий, которые влияют на эти места. Признание этих прав направлено на улучшение положения коренных народов, предоставление шансов на здоровую и достойную жизнь. Тем не менее, отмечают авторы, когда эти нормативные представления о правах, прописанные в законах, вступают в противоречие с социальными и политическими взглядами и действиями, на практике продолжается маргинализация коренных народов. «Когда национальные программы развития включают борьбу с коренными народами за просторы их родины, – заключают исследователи, – у коренных народов очень мало возможностей отстаивать свои права» [Ibid. P. 132].

Брайан Донахью, автор статьи «Кому принадлежит тайга? Инклюзивные и эксклюзивные понятия о собственности среди тоджинцев и тофаларов в Южной Сибири» сопоставил факторы, повлиявшие, по его мнению, на сохранность традиционного уклада у этих народов, а также на их численность. Он предположил, что вторжение сначала со стороны других групп коренных народов, а затем, начиная с середины XVII в., со стороны русских и соседних групп коренных народов вытеснило тофаларов на определенную территорию и привело к основанию родовой тайги. По мере того, как их все больше оттесняли в постоянно сокращающуюся тайгу, они были вынуждены строго ограничить доступ к своей территории, что противоречило более ранней форме гибкого, довольно открытого доступа. После образования СССР раннее признание народа тофаларов одним из малочисленных народов Севера привело к усилиям по их защите путем законодательной кодификации их уменьшенной территории. Успешные кампании советского режима по коллективизации и принудительной оседлости расселили тофаларов в деревнях и еще больше исказили понятие родовой тайги, превратив ее в очень маленькие семейные охотничьи угодья, которые нужно было ревностно охранять, если семья собиралась выполнить квоты государственного охотничьего хозяйства. Такая политика сделала оленеводство практически невозможным, что привело к упадку оленеводства как образа жизни и утрате важного компонента этнического самосознания тофаларов.

Тоджинцы, с другой стороны, никогда не были полностью оседлыми, никогда не развивали такое понятие эксклюзивной частной собственности и до сих пор занимаются оленеводством как активным и важным аспектом своей жизни и этнической идентичности. Кроме того, численность тоджинцев в несколько раз превосходит численность тофаларов. Разница, по мнению Б. Донахью, заключается в основном в более длительных контактах тофаларов с русскими и ощущении исключительных прав доступа к ресурсам на данной территории, которое возникло в результате этого контакта, а также в том внимании, которое они получили как один из малочисленных народов Севера. Автор предполагает, что формальное учреждение Тофаларии изначально было предложено и осуществлено с искренними, хотя и патерналистскими и, возможно, ошибочными добрыми намерениями в отношении защиты тофаларов, но насильственная оседлость и формальное создание четко разграниченных семейных охотничьих угодий подняли чувство собственничества и исключительности этого народа на новый уровень. Такое чувство эксклюзивной собственности оказалось несовместимым с кочевым, оленеводческим и охотничьим существованием в тайге и способствовало отчуждению тофаларов от основы их уникальной культуры и этнической идентичности [13. P. 109].

Необходимость сохранения традиционного уклада для коренных народов – это не только вопрос экономического характера, это также вопрос самоидентифи-

кации, когда утрата традиционных промыслов ставит под вопрос сохранение культуры народа, его самобытности. Об этом в своей статье ««Якутская лошадь: этнический символ в постсоветской республике Саха» пишет Эмили Маж: «В своем стремлении к идентичности якуты не только относят себя к монголам, но и настаивают на том, что являются чистокровными потомками тюркских народов, населявших Среднюю Азию: “Возможно, в древние времена якутский язык использовался на всей территории евразийских степей как lingua franca (универсальный язык)”. В Якутии всерьез рассматривались аспекты этого евразийского наследия применительно к развитию и возрождению фольклора, традиций, связанных с животноводством. Евразийские связи также подталкивали к ассоциации с другими этническими группами: казахами, киргизами, татарами и башкирами. В том же потоке идеологической мысли развивалось движение к тенгрианству, древней системе верований евразийских кочевых народов. Идеология тенгрианства как неофициальной государственной религии распространилась до такой степени, что некоторые люди рассматривали этот процесс как возврат к изначальной религии … “Согласно последним научным данным, современные якутские лошади являются одним из наиболее древних видов в мире и прямым потомком примитивных и одомашненных лошадей”. Кажется, что развитие коневодства стало делом политическим: якутский народ, как и самого себя, считает лошадь жертвой советской экономической политики, и развитие коневодства теперь является вопросом идентичности» [14. P. 72].

Э. Маж полагает, что в республике Саха в наши дни лошадь приобретает все большее значение как культурный символ, нежели как подспорье в повседневной экономической жизни людей, однако якуты до сих пор считают себя конным народом. Петроглиф, обнаруженный в 1992 г. у устья р. Лены и представляющий собой всадника, избран государственным гербом республики.

Место и роль традиций и традиционных знаний коренных народов в современном мире стали одной из самых обсуждаемых тем в сибирских исследованиях. В разных контекстах обсуждения, как академических, так и общественных, подчеркиваются разные аспекты. Традиции и традиционные знания часто рассматриваются как ресурсы (экологические, экономические или политические), которые используются коренными народами при взаимодействии с внешним миром, например в борьбе за права на землю и природные ресурсы или за экономическую или политическую выгоду. Однако формирующая роль традиций и традиционных знаний для людей и их социальных взаимоотношений в своих общинах, как правило, игнорируется.

В ходе своих наблюдений большинство зарубежных исследователей «Сибирики» сходятся во мнении, что передача традиций и традиционных знаний молодым поколениям у большинства коренных народов сопровождается множеством трудностей. Эти трудности связаны, прежде всего, с культурным и ценностным разрывом между коренными народами и русским окружением, которое воздействует на подрастающее поколение, формируя их ценности, посредством образовательных институтов (в большинстве случаев школ-интернатов). Нередко возникает серьезное идеологическое противостояние, когда родители учат детей, что навыков традиционного хозяйствования, овладения промыслами будет вполне достаточно для жизни, в то же время школа настаивает, что только успешная учеба откроет перед ними перспективы во взрослой жизни, получение профессии и т.д., тем самым подрывая институциональные основы традиционного уклада коренных народов и дискредитируя родителей в глазах детей.

Однако можно наблюдать и обратные, «положительные» примеры того, как на протяжении многих лет обеспечивается экономическая устойчивость сообщества, в том числе благодаря передаче традиционных знаний и навыков. Джон П. Зикер в статье «Устойчивость внутренних групп и общин в нижнем течении реки Енисей на протяжении 20-го века» проанализировал имеющиеся данные о мобильности, использовании ресурсов и социально-экономических обменах общины Тухард (Тухарт) на основе сведений, полученных в ходе полярной переписи 1926/1927 г., а также данные о посещении автором этого района в 1997 г., и обнаружил, что они иллюстрируют очень похожие стратегии и вариации в применении этих стратегий. Традиционная экономическая деятельность жителей Тухарда представляется устойчивой не только из-за их символической важности, но и потому, что навыки целенаправленно передаются молодому поколению. Поскольку экономическая диверсификация в Тухарде велика (как внутри, так и между домашними хозяйствами), она обеспечивает экономическую устойчивость, на которую могут претендовать немногие городские жители региона. Гибкость экономических стратегий, внутренних групповых структур, межсемейного сотрудничества и торговли имеет решающее значение для местной устойчивости в сообществе Тухард. Тот факт, что подобный набор стратегий и отношений обмена также был обнаружен в 1920-х гг., иллюстрирует большую память об этих паттернах во времени и адаптивных циклах. Сети для обмена товарами, информацией и членами семьи действительно являются древней стратегией в нижнем течении реки Енисей, что, в свою очередь, указывает на источник устойчивости сообщества. Сегодня масштабы производства и обмена больше, равно как и растущее символическое значение оленеводства. Эти «новые» реакции на усиление экономической активности в региональном и национальном масштабах в России также имеют решающее значение для понимания устойчивости сообществ в крупном масштабе [15. P. 36].

Мысль о необходимости возврата к общинной организации самоуправления коренных народов как единственному способу сохранения традиционных форм хозяйствования и национальной культуры, а также возможности взаимодействовать «с центром» для совместного принятия важных решений о собственном настоящем и будущем часто встречается в англо-американской периодике, выражая таким образом основные идеи неотрадиционалистского подхода к проблемам коренных сибирских народов.

Наконец, еще одним часто встречающимся сюжетом является религия сибирских коренных народов. Некоторые аспекты религиозной жизни в республике Алтай исследует Агнешка Халемба. В статье «Современная религиозная жизнь в республике Алтай: взаимодействие буддизма и шаманизма» она рассматривает противоречивые утверждения и исторические традиции шаманизма, буддизма и бурханизма как часть процесса формирования новой национальной идентичности Алтая. Религия занимала очень важное место в дискуссиях о национальном единстве, особенно в первой половине 1990-х гг. По сравнению с некоторыми другими республиками Российской Федерации, ситуация на Алтае особенно интересна, отмечает исследователь, поскольку вопрос заключался не только в том, как заново ввести религиозные ритуалы, религиозное образование или моральные принципы, которые предположительно были забыты или подавлены в советский период, но и, что более важно, какую религию принять. Алтай был местом встречи многих религиозных влияний, и анимистические или «шаманские» верования существовали здесь в самых разных формах на протяжении длительного периода времени [16. P. 167].

Как считает А. Халемба, две крупные религиозные традиции, а именно ислам и христианство, хотя и присутствуют на Алтае, не рассматриваются алтайскими национальными элитами как возможные объединяющие силы для алтайской нации. Ислам рассматривается как религия казахов, которые составляют 6% населения республики. С христианством ситуация сложнее, так как в некоторых регионах республики алтайцы приняли православное христианство. Русская православная миссия на Алтае была организована в 1828 г. Однако в настоящее время православие рассматривается в основном как религия русских и поэтому решительно отвергается алтайской интеллигенцией как шаг к объединению алтайской нации. Что касается буддизма, то несомненно, что он влиял на Алтай на протяжении многих веков. Хотя до сих пор нет никаких свидетельств существования буддийских святынь или монастырей на территории современной Республики Алтай, буддийские святыни или даже монастыри были в регионах, очень близких к ее границам. Более того, некоторые жители Алтая ездили в буддийские монастыри в Монголию или даже в Тибет для обучения. Это были отдельные случаи, но эти люди вернулись с буддийскими артефактами, сутрами и идеями.

Рост популярности буддизма среди интеллектуалов объясняется многими причинами. Существует общая тенденция подчеркивать древние корни алтайского буддизма и представлять алтайцев, по сути, как нацию практикующих буддистов, хотя и не обязательно признающих это. Также широко признаются политические преимущества буддизма. Он связывает алтайцев с миром других буддийских народов, особенно с соседними Монголией и Тывой. Предполагается, что принятие буддизма расширит возможности поддержки республики из-за рубежа. Буддизм также рассматривается как объединяющая сила, подходящая для государственных образований. Обычно он противопоставляется шаманизму, который оценивается как слишком разнородный и неконтролируемый, чтобы стать религией национального государства. Также некоторых алтайских интеллектуалов подталкивает к буддизму его философский потенциал. Они говорят, что на Алтае, в бурханизме и шаманизме, нет такого философского пласта, который мог бы служить базой для личностного роста. Люди ищут источник духовного авторитета, которому можно было бы доверять и на котором они могли бы строить свои собственные идеи.

Хотя буддизм получает поддержку среди интеллигенции, в алтайских деревнях он не так популярен. Существует сильное негативное отношение к любой форме миссионерской деятельности. Жители деревень говорят, что алтайцы, которые сознательно участвуют в распространении своих религиозных взглядов, напоминают им о миссионерской деятельности православных христиан, католиков, свидетелей Иеговы и новых протестантских церквей. «Не так должен поступать алтайский “biler kizhi” (“знающий человек”). Они должны получать общественное признание своими действиями, а не открытой пропагандой своих личных взглядов» [Ibid. P. 179].

Татьяна Ваграменко, исследовательница из университета Корк, Ирландия, в статье «Хронотопы обращения к христианскому фундаментализму и его распространение в постсоветское время» исследует евангельские миссионерские движения среди коренных ненцев, проживающих в тундре Полярного Урала и полуострова Ямал на северо-западе Сибири. В постсоветский период территории Полярного Урала и Ямальской тундры стали зоной интенсивной международной евангелической миссионерской деятельности и частых случаев обращения в протестантское христианство среди кочевых и оседлых коренных народов. Ненецкий народ обычно рассматривается как оплот «исконной традиционной культуры», который в прошлом неохотно обращался в христианство, а затем молчаливо сопротивлялся советским реформам в отношении кочевничества и оседлости, а также антирелигиозной пропаганде. Однако постсоциалистические преобразования сделали ненцев открытыми для евангелических миссий. И хотя местные власти продвигали как русское православие, так и традиционные ненецкие обычаи и верования наряду со священными местами и ритуальными практиками в качестве основы ненецкого социального порядка, сельские ненцы часто с энтузиазмом принимали евангелическое миссионерское послание, тем самым бросая вызов устойчивости традиционной культуры ненцев. Более того, пробуя различные веры, ненцы в конце концов выбрали фундаменталистское баптистское движение [17. P. 64].

Статья Т. Ваграменко опирается на этнографический случай, когда глобально успешное евангельское движение неопятидесятничества не получило широкого отклика. Данный регион казался идеальным местом для основания пятидесятнических церквей благодаря высокой доли коренного населения, проживающей в сельской местности, социальной маргинализации кочевников, а также бедности, алкоголизму и низкому уровню образования во многих сельских районах. Однако сельские ненцы на Полярном Урале и Ямале от-

вергли систему верований, которая способствовала осмыслению неолиберальной культуры. Вместо этого фундаменталистское христианство с его претензиями на отделение от (современного / западного / светского) мира и идеологией сопротивления «коррумпированному» модернизму доминировало в местном религиозном ландшафте и превратилось в быстрорастущую церковь.

Баптистские миссионеры утверждают, что ненецкая культура не испорчена городской цивилизацией с ее коррумпированным либерализмом и ценностями рыночной экономики, и поэтому она намного ближе к чисто христианскому идеалу. Таким образом, миссионерская цель состоит в том, чтобы просто нести Евангелие и сделать нетронутую ненецкую жизнь истинно христианской. Это специфическое ретротопическое восприятие стало фундаментальной точкой пересечения, считает автор, которая в конечном итоге соединила баптистский фундаментализм и ненецкую культуру. В этом контексте ненцы становятся хранителями Закона Божьего, теми, кто изначально принадлежал к Божьему плану для человечества и чья традиционная культура и религия предков являются «выражением несовершенной, но врожденной склонности к христианской истине».

Такое понимание, по мнению автора, позволило превратить ненецкое прошлое в историю этого скотоводческого кочевого народа, представленную как древний Ветхий Завет, а самих ненцев – в библейских ненцев. Ненецкую культуру больше не считают просто языческой, и ненцы – не отсталые, а, скорее, пророки, которые всегда жили по старым еврейским законам. «Ветхий Завет жив среди нас, – приводит автор слова одного верующего ненца, – потому что мы, ненцы, живем по Ветхому Завету… Ненцы – это кочевой народ. У них есть крупный рогатый скот – олени. И возьмите израильский народ – они тоже были кочевниками» [17. С. 84]. Таким образом, традиционная ненецкая культура не просто узаконивается в христианской системе, но сакрализуется: ненцы – избранный Богом народ, чья обязанность – исполнять волю Бога в современном мире, который призван обрести спасение. Так пространство тундры и ненецкая кочевая культура превратились в настоящий центр христианства, центр значимой баптистской вселенной.

Шаманизм в Бурятии также привлекает внимание исследователей, примером чему статьи Кэтрин Меццо «Шаманы и священные места в Бурятии», «Священные места, исцеляющие места: купание в Тункинской котловине», посвященные этой теме, а также статьи Жюстин Б. Квиджада «Что если мы не знаем наш клан? Тайлаган как новая ритуальная форма в Бурятии», Зелько Йокича «Гнев забытых онгонов: шаманская болезнь, воплощение Духа и побег из фрагментарного транса в современном бурятском шаманизме» и Джозефа Лонга «Возлияния и ритуальные подношения в западном бурятском шаманизме» [18–22].

Традиционные верования, примитивные языческие культы и прочие религиозные формы, которые можно встретить у коренных сибирских народов, а также исследование факторов, повлиявших на выбор верований, изучение того, какое место занимает религия в определении народом своей самобытности, своей идентичности, – все это становится объектом научного интереса зарубежных исследователей.

Таким образом, рассмотрение основных вопросов сибирских исследований в англо-американской историографии неизбежно ведет к анализу существующих подходов государственной политики в отношении коренных народов, где патерналистская политика, равно как и политика рыночной конкуренции, рассматриваются как губительные для традиционных культур сибирских этносов. Авторы призывают к более осмысленной языковой политике, которая позволит сохранить уникальное культурное и языковое многообразие Сибири, к созданию механизмов самоуправления коренных народов, которые позволят им возродить традиционные промыслы, а также напрямую сформулировать свое видение и пути решения экономических и социальных проблем, и, наконец, к отказу от дальнейшей ассимиляции с доминирующей русской культурой, насаждения ее ценностей и религии.

Многообразие вопросов, тем, сюжетов региональной истории Сибири в работах зарубежных исследователей открывает перед отечественными учеными широкое поле для тщательного изучения накопленных ими материалов, для научного обмена, дискуссии и расширения представлений о методах и подходах обеих сторон. Обширный этнографический материал, собранный авторами и опубликованный на страницах «Сибирики», может служить совершенно новым и уникальным историческим источником в разработке сибирской проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.98.
2. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 91 с.
3. Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М. : МНЭПУ, 1994, 225 с.
4. Osherenko G. Sharing Power with Native Users : Co-Management Regimes for Native Wildlife. Ottawa : Canadian Arctic Resources Committee, Ont., 1988. 58 p.
5. Goetze T.C. Sharing the Canadian Experience with Co-Management: Ideas, Examples and Lessons for Communities in Developing Areas. Ottawa : International Development Research Centre, 2004. 58 p. (Rural Poverty and the Environment Working Paper Series. Working Paper 15).
6. Михайлицина Е.А. Сибирская колонизация в современной англо-американской научной периодике // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 140–146. DOI: 10.17223/19988613/63/19.
7. Chevalier J.F. Bilingualism and Literacy in the Republic of Tyva // Sibirica. 2010. Vol. 9, № 1. P. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2010.090101.
8. Chevalier J.F. Local Language Education in Southern Siberia. The Republics of Tyva and Altai // Sibirica. 2013. Vol. 12, № 3. P. 56–84. DOI: 10.3167/sib.2013.120303.

9. Chevalier J.F. School-based linguistic and cultural revitalization as a local practice: Sakha language education in the city of Yakutsk, Russian Federation // Nationalities Papers. 2017. № 45 (4). P. 613–631. DOI: 10.1080/00905992.2016.1275534.
10. Ferguson J. “Is it bad that we try to speak two languages?” Language ideologies and choices among urban Sakha bilingual families // Sibirica. 2015. Vol. 14, № 1. P. 1–27. DOI: 10.3167/sib.2015.140101.
11. Huusko S. Evenki adolescents’ identities: negotiating the modern and the traditional in educational settings // Sibirica. 2018. Vol. 17, № 1. P. 36–62. DOI: 10.3167/sib.2018.170104.
12. Fondahl G., Sirina A. Rights and risks: Evenki concerns regarding the proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean Pipeline // Sibirica. 2006. Vol. 5, № 2. P. 115–138.
13. Donahoe B. Who owns the taiga? Inclusive vs. exclusive senses of property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia // Sibirica. 2006. Vol. 5, № 1. P. 87–116.
14. Maj E. The horse of Sakha: Ethnic symbol in post-communist Sakha Republic (Iakutiia) // Sibirica. 2009. Vol. 8, № 1. P. 68–74. DOI: 10.3167/sib.2009.080105.
15. Ziker J.P. Resilience of domestic groups and communities on the lower Enisei River throughout the twentieth century // Sibirica. 2012. Vol. 11, № 1. P. 1–42. DOI: 10.3167/sib.2012.110101.
16. Halemba A. Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism // Sibirica. 2003. Vol. 3, № 2. P. 165–182. DOI: 10.1080/1361736042000245295.
17. Vagramenko T. Chronotopes of conversion and the production of Christian fundamentalism in the post-soviet Arctic // Sibirica. 2018. Vol. 17, № 1. P. 63–91. DOI: 10.3167/sib.2018.170105.
18. Metzo K. Shamans and sacred landscapes in Buriatiia // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 1. P. 5–9. DOI: 10.3167/sib.2008.070101.
19. Metzo K. Sacred landscape, healing landscape: “Taking the waters” in Tunka Valley, Russia // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 1. P. 51–72. DOI: 10.3167/sib.2008.070104.
20. Quijada J.B. What if we don’t know our clan? The city Tailgan as new ritual form in Buriatiia // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 1. P. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2008.070102.
21. Jokic Z. The wrath of the forgotten ongons: shamanic sickness, spirit embodiment, and fragmentary trance escape in contemporary Buriat shamanism // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 1. P. 23–50. DOI: 10.3167/sib.2008.070103.
22. Long J. Libations and ritual offerings in Ekhirit Buriat shamanism // Sibirica. 2008. Vol. 7, № 2. P. 83–102. DOI: 10.3167/sib.2008.070206.

Elena A. Mikhaylitsina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mihailicina@mail.ru

MAJOR SUBJECTS OF SIBERIAN REGIONAL HISTORY IN ANGLO-AMERICAN SCIENTIFIC PERIODICALS

Keywords: Siberian studies; foreign historiography; indigenous peoples of the Russian North; wildlife co-management.

The article examines major subjects of Siberian regional history based on the content of the journal “Sibirica” in the context of contemporary approaches in public policies for indigenous peoples. The author discovers that among the basic approaches, which are “paternalistic”, “market-based”, and “neo-traditional”, the latter has quite a lot in common with the “wildlife co-management” trend widespread in Western historiography. Since this approach requires coordinated management efforts made both by the state and indigenous representatives, with its help the authors of “Sibirica” suggest to solve the problems of the preservation and development of traditional livelihoods, culture, national languages and religions of Siberian peoples. Analysis of articles on the Russian Federation’s language policy in relation to indigenous people demonstrates that an ineffective policy in the field of popularizing national languages, as well as the ongoing unification of educational standards for all of the Russian Federation subjects, lead to extinction of the national languages.

In addition to the national language, another important issue of the indigenous people’s self-identification is the preservation of the traditional economic livelihoods and fisheries. The Western scientific periodicals quite often broadcast the idea of returning to the community-based self-governing of indigenous peoples as the only way to preserve traditional livelihood and national culture, as well as the opportunity to interact “with the center” to jointly make important decisions about their own present and future. The work also addresses a religious issue that is an integral part of the identity of indigenous peoples. Traditional beliefs, primitive pagan cults and other religious forms that can be found among the indigenous Siberian peoples, as well as the study of factors that influenced the choice of beliefs and finally the study of the role that religion plays in the peoples’ determination of their identity – all these issues become the object of scientific interest of foreign researchers.

Having studied the main issues of Siberian studies in the Anglo-American scientific periodicals, as well as current approaches in public policy, where a predominantly paternalistic approach turns out to be as destructive for indigenous peoples as a market-based one, we can conclude that only neo-traditionalist approach can enable indigenous peoples to revive traditional lifestyles. Neo-traditional approach which means co-management of biological resources, a well-designed language policy of the state and creation of mechanisms for self-government of indigenous peoples can give them opportunity to directly formulate their vision and ways of solving economic and social problems.

REFERENCES

1. Shaparov, A.E. (2015) Ethnic policy of Russia in the Arctic: basic approaches and principles. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 21. pp. 98–117. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.98
2. Klokov, K.B. (1997) *Traditsionnoe prirodopol'zovanie narodov Severa: kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya* [Traditional use of natural resources of the Northern peoples: Conservation and development concept]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Pika, A.I. & Prokhorov, B.B. (1994) *Neotraditsionalizm na Rossiyskom Severe (etnicheskoe vozrozhdenie malochislennyx narodov Severa i gosudarstvennaya regional'naya politika)* [Neo-traditionalism in the Russian North (ethnic revival of the small peoples of the North and state regional policy)]. Moscow: MNEPU.
4. Osherenko, G. (1988) *Sharing Power with Native Users: Co-Management Regimes for Native Wildlife*. Ottawa: Canadian Arctic Resources Committee, Ont., Canada. CARC Policy Paper 5.
5. Goetze, T.C. (2004) *Sharing the Canadian Experience with Co-Management: Ideas, Examples and Lessons for Communities in Developing Areas*. Ottawa: International Development Research Centre.
6. Mikhaylitsina, E.A. (2020) Siberian colonization in modern Anglo-American scientific press. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 63. pp. 140–146. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/63/19
7. Chevalier, J.F. (2010) Bilingualism and Literacy in the Republic of Tyva. *Sibirica*. 9(1). pp. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2010.090101
8. Chevalier, J.F. (2013) Local Language Education in Southern Siberia. The Republics of Tyva and Altai. *Sibirica*. 12(3). pp. 56–84. DOI: 10.3167/sib.2013.120303
9. Chevalier, J.F. (2017) School-based linguistic and cultural revitalization as a local practice: Sakha language education in the city of Yakutsk, Russian Federation. *Nationalities Papers*. 45(4). pp. 613–631. DOI: 10.1080/00905992.2016.1275534

10. Ferguson, J. (2015) “Is it bad that we try to speak two languages?” Language ideologies and choices among urban Sakha bilingual families . *Sibirica*. 14(1). pp. 1–27. DOI: 10.3167/sib.2015.140101
11. Huusko, S. (2018) Evenki adolescents’ identities: negotiating the modern and the traditional in educational settings. *Sibirica*. 17(1). pp. 36–62. DOI: 10.3167/sib.2018.170104
12. Fondahl, G. & Sirina, A. (2006) Rights and risks: Evenki concerns regarding the proposed Eastern Siberia-Pacific Ocean Pipeline. *Sibirica*. 5(2). pp. 115–138.
13. Donahoe, B. (2006) Who owns the taiga? Inclusive vs. exclusive senses of property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia. *Sibirica*. 5(1). pp. 87–116.
14. Maj, E. (2009) The horse of Sakha: Ethnic symbol in post-communist Sakha Republic (Iakutiia). *Sibirica*. 8(1). pp. 68–74. DOI: 10.3167/sib.2009.080105
15. Ziker, J. P. (2012) Resilience of domestic groups and communities on the lower Enisei River throughout the twentieth century. *Sibirica*. 11(1). pp. 1–42. DOI: 10.3167/sib.2012.110101
16. Halemba, A. (2003) Contemporary religious life in the Republic of Altai: the interaction of Buddhism and Shamanism. *Sibirica*. 3(2). pp. 165–182. DOI: 10.1080/1361736042000245295
17. Vagramenko, T. (2018) Chronotopes of conversion and the production of Christian fundamentalism in the post-soviet Arctic. *Sibirica*. 17(1). pp. 63–91. DOI: 10.3167/sib.2018.170105
18. Metzo, K. (2008) Shamans and sacred landscapes in Buriatiia. *Sibirica*. 7(1). pp. 5–9. DOI: 10.3167/sib.2008.070101
19. Metzo, K. (2008) Sacred landscape, healing landscape: “Taking the waters” in Tunka Valley, Russia. *Sibirica*. 7(1). pp. 51–72. DOI: 10.3167/sib.2008.070104
20. Quijada, J.B. (2008) What if we don’t know our clan? The city Tailgan as new ritual form in Buriatiia. *Sibirica*. 7(1). pp. 1–22. DOI: 10.3167/sib.2008.070102
21. Jokic, Z. (2008) The wrath of the forgotten ongons: shamanic sickness, spirit embodiment, and fragmentary trance escape in contemporary Buriat shamanism. *Sibirica*. 7(1). pp. 23–50. DOI: 10.3167/sib.2008.070103
22. Long, J. (2008) Libations and ritual offerings in Ekhirit Buriat shamanism. *Sibirica*. 7(2). pp. 83–102. DOI: 10.3167/sib.2008.070206